

## Глава 21. Экзамен туншэн (Часть 2)

В тот день едва пробило два часа пополудни, как слуги уже начали будить спавших в одной постели юношей. Накануне Цзя Чжу и Сююй легли вместе, укрывшись общим теплым одеялом, и теперь сонно шурились, пока толпа служанок хлопотала вокруг них: умывала, причесывала и одевала. Наспех проглотив по чашке жидкой рисовой каши, молодые люди поспешили обойти усадьбу, чтобы засвидетельствовать почтение старшим и попрощаться перед долгой дорогой. Цзя Чжэн лично напутствовал слуг, строго наказав им как следует заботиться о молодых господах по пути в Тунчжоу, а в случае малейшей заминки или происшествия — немедленно слать весть в усадьбу.

В эту поездку Цзя Чжу сопровождали Чжэн Вэнь, Жуньби и Цяньсянь, а Сююя — Линь Шицзянь, Иньши и Юнфу. Сами юноши ехали в закрытом экипаже, Иньши и Чжэн Вэнь устроились на козлах, а Линь Шицзянь и Цяньсянь скакали верхом впереди, расчищая дорогу. Следом тянулась вторая телега под управлением слуг постарше, груженная вещами и припасами, которые могли понадобиться во время экзаменов. Путь до Тунчжоу выдался нелегким. Добравшись до арендованного подворья, путники от усталости едва держались на ногах, а потому легли спать намного раньше обычного.

На следующее утро — в день первого испытания — подниматься пришлось снова в два часа ночи. Быстро позавтракав, Цзя Чжу и Сююй отправились к экзаменационному залу. Когда они выехали со двора, ночь еще стояла глубокая, непроглядная; лишь два стеклянных фонаря, покачивавшихся на повозке, выхватывали из темноты тусклый круг света. Кутаясь в теплые одежды и содрогаясь от пронизывающей утренней сырости, Цзя Чжу мысленно проклинал суровые порядки древних экзаменов.

«Ну где это видано — являться к трем часам утра?! Сушая нелепость!»

Впрочем, ледяной воздух, со свистом струившийся из щелей кареты, быстро вымел из головы остатки сна, и Цзя Чжу почувствовал, как в груди разгорается азарт. Сююй же, вопреки обыкновению, ничуть не страдал от утреннего холода. Он взволнованно сжал руку названного брата, и Цзя Чжу ощутил легкую дрожь его пальцев — юноша рвался в бой.

Когда они прибыли к экзаменационным воротам, едва пошел второй четверть часа Инь. Вокруг уже теснились тысячи книжников. Куда ни кинь взгляд — колыхалось сплошное темное море голов. Это зрелище превосходило размахом даже картины из его прошлой жизни, когда толпы взволнованных родственников провожали учеников на государственные экзамены.

Цзя Чжу и Сююй переложили припасы и письменные принадлежности в плетеные экзаменационные корзины и, повесив их на плечи, встали в очередь на досмотр. Обыск был строжайшим: стражники заставили даже распустить волосные узлы, чтобы проверить, не спрятаны ли там шпаргалки. В суровости этих проверок древние ничуть не уступали чиновникам современного мира. Очередь двигалась медленно, и прошло немало времени, прежде чем смотритель наконец выкликнул их имена, разрешая войти внутрь.

«Хотя в эти времена у хитрецов выбор невелик — либо нанять подставного писца, либо пронести записку. Никаких тебе беспроводных наушников и скрытых камер», — усмехнулся про себя Цзя Чжу.

В полдень ворота заперли и раздали свитки с заданиями. Экзамен состоял из шести испытаний, по одному в день. Все эти шесть дней Цзя Чжу работал по четкой системе: пока голова оставалась свежей, он стремительно покрывал бумагу иероглифами, а почувствовав усталость, откладывал кисть, чтобы выпить чаю и подкрепиться дорожной снедью.

«Странно, что здешние правила позволяют приносить с собой вино. Неужели эти чудаки не боятся захмелеть и растерять последние мысли в самый ответственный момент?»

Благодаря упорной подготовке у Цзя Чжу не возникло ни малейших затруднений — слова сами ложились на бумагу, и слог тек ровно и гладко. Раз за разом он мысленно благодарил себя за то, что не забросил воинские упражнения и фехтование: без закалки выдержать подобный марафон слабому телом было просто не под силу. Таких бедолаг нередко выносили из келий без чувств. В редкие минуты отдыха Цзя Чжу нет-нет да и начинал тревожиться о Сюе. Тот никогда не изнурял себя физическими тренировками, и устоит ли его хрупкое тело перед таким бременем?

Но когда отгремел последний день и тяжелые засовы на воротах со скрежетом отодвинулись, выпуская измученных книжников на волю, Цзя Чжу вздохнул с таким облегчением, словно чудом уцелел в смертельной битве. Однако при встрече с Сюем выяснилось, что все его страхи были напрасны. Обладая блестящим умом и феноменальной скоростью письма, юноша справлялся с заданиями задолго до назначенного срока и оставшееся время лишь откровенно скучал в своей келье. Едва объявляли первый срок сдачи работ, Сюй тут же сдавал свиток и выходил на свежий воздух. Ни тени усталости, ни капли волнения на его лице не было.

Выйдя за ворота после последнего испытания, Цзя Чжу издали приметил Цяньсяня и остальных слуг, которые нетерпеливо вглядывались в толпу. Сюй уже сидел в экипаже и махал ему рукой из открытого оконца. Проведя в Тунчжоу еще один день, чтобы восстановить силы, на следующее утро они наконец отправились в обратный путь.

Ранним утром повозки въехали в городские ворота, и у развилки дорог юноши разделились. Сюй направился в усадьбу Линь, а Цзя Чжу поспешил в поместье Жунго, чтобы успокоить домашних благополучным исходом экзаменов, и лишь затем планировал нанести визит дяде Линь Хаю, тетушке Цзя Минь, а также господину Шао Инлиню и Су Цзэцзиню.

Поскольку спешить больше некуда было, Цзя Чжу велел Чжэн Вэню ехать не торопясь, надеясь хоть немного вздремнуть под мерный стук колес. Повозка неспешно покачивалась на ухабах, как вдруг на крутом повороте из-за угла навстречу им вылетела другая карета, мчавшаяся во весь опор. Столкновение казалось неизбежным, но Чжэн Вэнь проявил редкое самообладание: натянув вожжи, он резко осадил лошадей, предотвратив удар. Тем не менее встречный экипаж пронесся так близко, что поднятые им фонтаны грязной воды с ног до головы окатили сидевших на козлах слуг.

Когда кареты разъехались, встречный экипаж тоже замер. Из его окна высунулся изящный юноша. Осыпав собственного кучера бранью, он торопливо обратился к Цзя Чжу:

— Простите покорно нашу оплошность, едва не покалечили благородного господина! Не пострадал ли почтенный господин?

Поглядев на него, Цзя Чжу отметил, что пришелец учтив, а лицом бел и нежен, с яркими алыми губами — на редкость миловидный отрок. Не желая поднимать шум из-за пустяка, Цзя Чжу мягко ответил:

— Пустяки, не стоит беспокойства. Ступайте с миром, молодой господин.

Юноша еще раз извинился за недоразумение, скрылся в глубине экипажа, и карета покатила дальше.

Едва чужой экипаж скрылся из виду, Чжэн Вэнь и Жуньби вполголоса сплюнули в придорожную пыль:

— Тьфу, обычный смазливый прихвостень из этих... мальчиков для утех, а гонору-то! Раскатился тут, пользуясь милостью хозяина.

Цзя Чжу приоткрыл занавеску и с любопытством переспросил:

— Мальчик для утех? Так этот юноша — из актеров-фаворитов?

— Да уж как есть! — охотно отозвался Чжэн Вэнь. — Этого смазливого недавно заметил и взял под крыло наследный принц Цзинь. Он из пекинской труппы «Ляньцзинь», играет женские роли. Его там величают не иначе как «Владыкой цветов».

Жуньби поспешил вставить свое слово:

— Слыхал я, зовут его Янь Мумэй, прозвище его — Мэйгуань. Мастерски исполняет женские партии в сценах «Прерванный сон» и «В поисках сна». Про него в столице даже стишок сложили: «Едва взмахнет Мэйгуань своим узорным рукавом — бледнеет лик Ду Линян в парчовом платье дорогом!»

«Надо же, сколько вы всего знаете...» — с улыбкой подумал Цзя Чжу.

Оказывается, не один Цзян Юйхань блистал на столичных подмостках. До сих пор Цзя Чжу пребывал в уверенности, будто принц Цзинь и принц Чжуншунь соперничают исключительно из-за Юйханя, полагая того единственной звездой пекинских театров. Впрочем, эта мимолетная мысль растаяла без следа, едва повозка миновала ворота усадьбы Жунго. Ступив

на родной порог, Цзя Чжу тотчас отправился выразить почтение старшим родственникам. Но об этом подробный рассказ пойдет далее.

<http://bllate.org/book/18221/1758595>